

АМЕЛИЯ БОРН

Прости,
я встретил
другую...
♡

Я ХОЧУ
вернуть(ся)

Амелия Борн

Я хочу вернуть(ся)

<https://litres.ru/74647452>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Если она тебе так нравится - забирай. Я предпочитаю женщин
раза в три, а то и в четыре меньше.

- Ты что, Баранов? Хочешь, чтобы Алевтина меня раздавила?
- Друг мужа ржет и добавляет: - Ну разве что только на разок. И
то я буду сверху.

Супруг и его приятель сидят в саду в компании моей свекрови.
И не видят меня, зато я их - отчетливо.

- Вот вроде про жену так нехорошо говорить, - произносит с
привычной ленцой Тамара Александровна. - Но Аля заслужила!
Как так можно было разожраться, я не понимаю! Бросай ее,
Вадик. Нечего тебе рядом с ней жизнь свою губить.

На следующее утро муж собирался объявить, что разводится,
но я его опередила. Сообщила, что мы расстаемся, потому что
теперь я - модель плюс сайз и мне не до семейной жизни.

Я не стала худеть ему в угоду
а через пару месяцев он сам захотел ко мне вернуться.

Амелия Борн

Я хочу вернуть(ся)

- Если она тебе так нравится - забирай. Я предпочитаю женщин раза в три, а то и в четыре меньше.

- Ты что, Баранов? Хочешь, чтобы Алевтина меня раздавила? - Друг мужа ржет и добавляет: - Ну разве что только на разок. И то я буду сверху.

Супруг и его приятель сидят в саду в компании моей свекрови. И не видят меня, зато я их - отчетливо.

- Вот вроде про жену так нехорошо говорить, - произносит с привычной ленцой Тамара Александровна. - Но Аля заслужила! Как так можно было разожраться, я не понимаю! Бросай ее, Вадик. Нечего тебе рядом с ней жизнь свою губить.

На следующее утро муж собирался объявить, что разводится, но я его опередила. Сообщила, что мы расстаемся, потому что теперь я - модель плюс сайз и мне не до семейной жизни.

Я не стала худеть ему в угоду...

...а через пару месяцев он сам захотел ко мне вернуться.

- Ну Аля! Ну сколько можно ломаться? Они тебя хотят. Именно тебя. С сорокадвухлетними бедрами пятьдесят ше-

стого размера и вот этим вот всем!

Ида помахала рукой в воздухе, а потом постучала наманикюренным пальцем по моей чашке с капучино. Остывшей, между прочим, потому что я уже битых полчаса слушала ее песни о модельной карьере, а не пила.

Я откинулась на спинку плетеного кресла и рассмеялась, причем совершенно искренне. Потому что ну правда смешно же.

- Ида, ты меня знаешь половину жизни. И сейчас перед тобой совершенно не модель. Мне сорок два. Я плюс-сайз не в том смысле, какой сейчас моден, а в том, что я реально плюс. Много плюс. Вот, - я ткнула себя в бок, - это не модельная округлость, а последствия любви к борщу и ночным зажорам под сериалы. Какой подиум?

- Дура ты, - беззлобно бросила Ида и отпила из своей чашки. - Им как раз нужна не юная нимфа, которую ветром шатает, а женщина в теле. Которая ела этот чертов борщ и не стесняется этого. У них линейка для полных сорокалетних - ты в целевой аудитории, ты выглядишь как целевая аудитория, ты и есть целевая аудитория. Ну?

Я помотала головой, все еще улыбаясь. За окном кафе пекло июльское солнце, плавило асфальт, и мысли мои были такими же вязкими и ленивыми. Не до съемок. У меня муж, дом, сын Никита за границей - вот о чем надо думать, а не об этом балагане.

- Ты мне лучше скажи, как твой развод? - перевела я

стрелки.

Ида фыркнула и закатила глаза. И понеслось, на что я и рассчитывала. А я допила наконец свой остывший капучино и подумала, что день сегодня какой-то особенно душный. Или это во мне что-то такое скопилось, чему не хватало воздуха.

Попрощались мы тепло. Ида чмокнула меня в щеку, оставив липкий след от помады, и прокричала вдогонку: «Предложение в силе! Думай, пока другие не ухватили!»

Я села в машину. Кондиционер дунул в лицо спасительным холодом. И вот тут, пока выруливала с парковки, пока ждала зеленый на выезде к трассе, полезли мысли. Те, что так или иначе все равно приходили - под вечер, когда Вадим задерживался, или под утро, когда лежала без сна и слушала его дыхание.

Вроде все было хорошо. Я повторяла эти слова как мантру - у нас все хорошо. Мы вместе двадцать три года. Сын вырос, здоровый, умный, пусть сейчас и живет далеко.

Дом есть. Бизнес какой-никакой. Вадик рядом. Спит со мной в одной постели, целует в лоб перед сном, иногда приносит чай. Ну, не такой страстный, как в восемнадцать, так это нормально! Нормально ведь? Все так живут.

Я вздохнула и сделала радио погромче. Хотелось быть подальше от этих мыслей. Они меня топили - медленно, незаметно, как вода в лодке с крошечной пробоиной. И пока ты вроде как на плаву и не замечаешь. А лодка все глубже и

глубже..

Загородный дом, который мы сняли на лето, прятался от трассы в соснах. Красивый, с верандой и большим садом - там у свекрови были свои любимые качели, а у Вадика с Веней мангал, который они разжигали чуть ли не каждый вечер. Я припарковалась у ворот и вышла.

В дом заходить не стала, направилась сразу туда, в сад, через калитку - думала, обниму мужа со спины, скажу что-нибудь дурацкое, может, он мне улыбнется. Баранов последнее время делал это редко, хотя раньше мы вместе часто смеялись над чем-то.

За кустами смородины, пыльными и пахнущими летом, слышались голоса. Я замедлила шаг. Веня что-то рассказывал, Вадим лениво отвечал. Потом вступила Тамара Александровна. Ее голос я узнала бы из тысячи, он у нее всегда был с этакой ленцой, будто говорить с людьми ниже ее достоинства, но приходится.

И вновь муж, причем говорил он то, от чего у меня тело закаменело:

- Ну нет, если она тебе нравится - забирай. Я предпочитаю женщин раза в три, а то и в четыре меньше.

Я замерла, так и не выйдя из-за кустов. О ком это? О ком? Неужели - обо мне?

- Ты что, Баранов? Хочешь, чтобы Алевтина меня раздавила? - загоготал Вениамин.

Вот теперь я перестала дышать. Сердце стукнуло - один

раз, другой, а потом замерло вместе со мной. Это я раздавлю. Речь обо мне...

- Ну разве что только на разок. И то я буду сверху, - добавил Веня, и опять этот гогот - прежде всего, мужнин.

Он ржал над тем, что говорил Вениамин. Потешался надо мной.

- Вот вроде про жену так нехорошо говорить, - протянула Тамара Александровна.

И я на долю секунды поверила, что сейчас она их осадит, сейчас скажет - хватит, это все-таки мать твоего сына. Однако произнесла свекровь вовсе не это:

- Но Аля заслужила!

Заслужила. Да, она так и сказала - заслужила...

- Как так можно было разожраться, я не понимаю! Бросай ее, Вадик. Нечего тебе рядом с ней жизнь свою губить! - продолжила с нажимом мать Вадика.

Я стояла, а дышать было нечем - воздух стал плотным, как кисель, и застревал где-то в горле. Каждое слово - как удар по оголенному нерву. Вот свекровь говорит «разожраться», и у меня внутри что-то ломается, как будто падает с огромной высоты.

Вот муж смеется и не говорит ей: «Мама, закрой рот». Не говорит: «Веня, иди к черту». Он молчит и позволяет им перемалывать меня в фарш.

Я попятилась. Осторожно, стараясь не хрустнуть веткой. Потому что если бы они меня увидели - я бы не выдержала. А

я не хотела, чтобы они видели, как я разваливаюсь на куски. Не доставлю им такого удовольствия!

В ушах звенело - мне было так плохо... такую физическую боль я чувствовала тогда, когда не стало моей мамы.

Не знаю, как меня ноги держали, но я просто пошла к дому, так и не показавшись им.

Это была моя маленькая личная смерть.

Я вошла в дом через заднюю дверь - она вела сразу в кухню. Прислонилась бедром к столешнице и минуту просто стояла, глядя в одну точку. Слова мужа, такие обидные, до сих пор звучали в ушах.

Да, я была вовсе не Дюймовочкой, но он не имел права настолько меня смешивать с грязью!

Потом я слышала голоса, которые приближались, и заставила себя выдохнуть и расправить плечи. Я не собиралась устраивать скандал. Истерика - это для слабых. А я, кажется, только что обнаружила в себе залежи спокойствия, о которых даже не подозревала.

Они вошли шумной гурьбой, как люди, которые уверены, что их не слышали. Вадим что-то договаривал на ходу, Венья подхихикивал, а Тамара Александровна цокала языком. Увидели меня не сразу, а когда это случилось - Вениамин даже споткнулся на пороге.

- О, Алька! - протянул он, и глазки его маслянисто блеснули.

Он был немного пьян, и это бросалось в глаза. Раньше бы у меня этот момент не вызвал бы и сотой доли того, что я ощутила сейчас, однако теперь меня словно бы подбросило на месте от мерзости.

- А мы тебя потеряли, - проговорил Вадик. - Думали, ты с Идкой своей засиделась...

- Я уже давно дома, - ответила ему ровно. - Просто не хотела вам мешать.

Вадим нахмурился, явно не понимая, что со мной и почему я так с ним общаюсь. Он смотрел на меня как на привычный предмет интерьера - диван стоит, лампа горит, жена дома, все в порядке. Но что-то в моем голосе его царапнуло.

- Что-то случилось? - спросил он без особого интереса, уже отворачиваясь к полке, где стояли настойки.

- А что может случиться? - Я пожала плечами. - Вы развлекались, я отдыхала.

Тамара Александровна, которая уже успела пройти в гостиную, соседствующую с кухней, и устроиться в кресле, поджала губы. Ей не нравился мой тон - видимо, сейчас совершенно особенно. Я видела это по тому, как она вскинула голову и принялась меня разглядывать - тщательно, придирчиво, словно искала, к чему придраться.

Веня тем временем плюхнулся на диван и, явно не чувствуя напряжения, выдал, глядя на меня с нетрезвой ухмылкой:

- Аль, а ты у нас, оказывается, женщина опасная. Я вот

все думаю - правду Баранов говорит или приукрашивает?

Вадим бросил на него быстрый предупреждающий взгляд, но Веня то ли не заметил, то ли не захотел замечать. Даже интересно стало - не выдаст ли мне сейчас лучший друг мужа тему, которую они обсасывали в саду.

- Опасная? - переспросила я и чуть склонила голову набок. - И в каком же контексте мой муж обсуждал меня с тобой, Вень? Что-то вы сегодня загадочные оба. Поделишься?

Вадим замер. Я видела, как напряглась его спина - так напрягается человек, которому только что приставили нож к позвоночнику. Он явно не ожидал, что я начну задавать вопросы. Привык, что я пропускаю все мимо ушей. А тут - не пропустила.

Веня захлопал глазами. Пьяный, но еще соображающий - достаточно, чтобы понять, что он сболтнул лишнего. Он бросил быстрый взгляд на Вадима, ища поддержки, но не нашел.

- Да я ж в хорошем смысле, - забормотал он. - Ну, опасная - это ж комплимент. Типа, яркая. В смысле... не забалуешь.

Итак, все же он не рискнет и не скажет мне - мы говорили о том, как ты разожралась, ну и твой муж сообщил мне, что могу забирать тебя себе.

- Надо же, - я все так же спокойно улыбалась. - Впервые слышу, чтобы мой муж называл меня яркой. Обычно он других прилагательных не жалеет. Каких, кстати, Вень? Кроме «опасной» - что еще было?

Веня открыл рот, но не издал ни звука - так и застыл с

приоткрытыми губами, как выброшенная на берег рыба. Он явно пытался сообразить, что можно сказать, а чего нельзя. Пьяный мозг работал медленно, и я почти физически слышала как вертятся шестеренки в его голове.

- Аль, ну ты чего, - промямлил он наконец. - Мужики иногда болтают. Ничего такого.

- Вот как, - я перевела взгляд на мужа. - Вадим, просвети жену. О чем болтают мужики, когда меня нет рядом?

Вадим стоял у окна, и лицо его медленно каменело. Я знала это выражение - так он выглядел, когда его заставляли врасплох на переговорах. Он не привык, чтобы я задавала такие вопросы. Привык, что я наливаю чай, улыбаюсь и не лезу в мужские беседы. А тут - не просто полезла. Вцепилась и не отпускала.

- Да ничего особенного, - процедил он сквозь зубы. - Веня перебрал, сам не понимает, что несет.

- Ну конечно, - кивнула я. - Все так и было.

Тамара Александровна поджала губы так, что рот превратился в тонкую нитку. Она явно хотела вмешаться - я видела по тому, как она подалась вперед в кресле, - но что-то ее удержало. Может быть, выражение моего лица. А может, то, что я буквально сигнализировала - лезть не стоит.

- Ладно, - я устало махнула рукой. - Поздно уже. Веня, тебе пора домой. Тамара Александровна, вас, наверное, тоже уже заждались.

Это была не просьба, а очень конкретное указание, и они

это почувствовали. Засобирались быстро - Веня путался в рукавах легкой ветровки, которую ему заботливо подала Тамара Александровна, сама она демонстративно поджимала губы и бросала на сына красноречивые взгляды: мол, видишь, что она себе позволяет? Вадим же просто молчал, и молчание это было тяжелым, почти осязаемым.

Когда дверь за ними закрылась, он повернулся ко мне:

- Что это было, Аля?

- А что это было? - Я пожала плечами. - Твой друг напился и начал нести чушь. Я всего лишь спросила, о чем вы тут без меня говорите. Разве это запрещено?

Он хотел что-то сказать, но передумал. Только качнул головой и пошел наверх - спать. И правильно сделал.

Потому что продолжать этот разговор сейчас было бы для него ошибкой.

Утром я проснулась рано. Умылась ледяной водой, сделала кофе и приготовила завтрак. Яйца, тосты, свежие помидоры - все как обычно, все как он любит. Это важно, подумала я, - пусть сначала увидит привычную картину и расслабится.

Вадим спустился через пять минут, он казался помятым, словно плохо спал. Устроился за накрытым столом, как ни в чем не бывало. Я уже сидела, пила кофе и пыталась впихнуть в себя завтрак.

- Аля... - начал муж, усаживаясь напротив. - Нам надо серьезно поговорить.

Вот он, тот момент, которого я подспудно ждала. Он все

же сейчас скажет мне то, что меня окончательно убьет. И я к этому, как ни странно, была готова.

- Знаешь, Вадик, - сказала я в ответ, - у меня тоже есть новости. Давай начну первая. Мне кажется, так будет правильнее.

Он замер с тостом в руке. Уставился на меня, явно не понимая, что к чему. Мы не зря прожили столько времени вместе - он явно чувствовал нутром: что-то не так. Я же сидела спокойно, даже с улыбкой на устах, которая давалась мне не без труда.

- Мы с тобой вместе двадцать три года, - продолжила я, глядя ему прямо в глаза. - Они были прекрасными и я о них не жалею. Никитка наш - лучшее, что со мной когда-то случилось. Но дети вырастают, Вадик. И семьи иногда тоже... вырастают. Изживают себя. Понимаешь?

Он уставился на меня таким взглядом, что я мысленно поставила себе пометку - молодец, Аля! Смогла довести любимого муженька до состояния, близкого к панике.

- Ты хотел что-то сказать, знаю. Но, возможно, повод говорить что-то исчезнет прямо сейчас... - я сделала глоток кофе. - Потому что я тоже приняла решение. И хочу тебе его озвучить первой. Я от тебя ухожу, Вадим.

Тост выпал у него из рук - в буквальном смысле этого слова.

- Ты... что? - выдавил Баранов хрипло.

- Я от тебя ухожу, - повторила я. - Мы разводимся и у ме-

ня начинается новая жизнь. Совершенно другая. Модельный бизнес, представляешь? Да-да, не смейся. Оказывается, такие, как я, сейчас востребованы. Плюс-сайз, женщина в теле, которая не стесняется того, что любит навернуть борща с пампушками. Ида мне давно предлагала, а я все отказывалась. А сейчас думаю - почему нет? Сын вырос, ты во мне, как я думаю, не сильно нуждаешься, потому что сам - взрослый мужик. Самое время мне заняться собой.

Я видела - муж пытается переварить услышанное, и у него не получается. Все происходило слишком неожиданно для него, и он был к этому совершенно не готов. Баранов готовился объявить мне, что нам надо расстаться, что «так будет лучше», что «мама считает...». А тут я - со своей новой жизнью. С модельным бизнесом, в который он не верит, но которым я теперь обязательно займусь.

- Аля, подожди... - просипел он. - Ты серьезно? Какой еще модельный бизнес? Ты с ума сошла?

- Возможно. - Я пожала плечами и встала из-за стола. - Но это мое сумасшествие, Вадик. Ты ко мне больше не имеешь отношения. Мы разводимся. Я уже все решила.

Он смотрел на меня снизу вверх, приоткрыв рот, и в глазах его было такое искреннее, неподдельное изумление, что мне почти захотелось рассмеяться. Бедный Вадик. Он правда думал, что сейчас меня бросит. Скинет многопудовую Алевтину, избавляясь от прошлого и того, чего он стал стесняться.

Не вышло.

- Аля! - позвал он, когда я уже выходила из кухни.

Я обернулась и посмотрела на него вопросительно.

- Да? - уточнила, приподняв бровь.

- Ты... ты не можешь вот так просто... - он запнулся. - А

как же...

- А вот так, Вадик, - сказала я мягко. - Не умоляй меня оставить свои мечты, не надо... Мне так хочется попробовать что-то новое, и я не хочу тащить с собой груз в виде тебя, Баранов.

И, сказав это, я удалилась с чувством выполненного долга.

Я поднялась в спальню и плотно закрыла за собой дверь. Прислонилась к ней спиной и только тогда почувствовала, как дрожат руки.

Это было напряжение, которое наконец-то отыскало выход. Я сделала это. Сказала вслух то, что еще вчера казалось невыносимым. И мир не рухнул, да и я тоже осталась твердо стоять на ногах. Сейчас, когда смотрела на смятую постель, и чувствовала странную, почти невесомую легкость.

Когда за дверью слышались шаги Вадима - даже не удивилась. Была уверена в том, что муж так просто не оставит тот вопрос, который угодил ему прямо в уязвленную гордость. И точно - через мгновение он вошел, разумеется, без стука. Показывая тем самым, что он станет делать все так, как возжелает именно он.

- Аля, - начал муж с порога, и голос его изменился.

Он был совсем не таким, как пять минут назад за столом. Видимо, Баранов немного пришел в себя и решил применить иную тактику – так он обычно разговаривал с подчиненными, когда что-то шло не по плану.

- Я не понимаю, что происходит. Совершенно не понимаю! У нас же все было хорошо!

Я посмотрела на него долго, изучающе – как на незнакомца, который только что представился мне, надеясь, что я вспомню. Но я никак не могла отыскать в памяти его образ.

- Ты считаешь, что у нас все было хорошо? – спросила я, и голос мой прозвучал глухо. - Это когда ты стал смотреть сквозь меня? Или когда я начала замечать твои колкости, упакованные в обертку заботы? «Не налегай на салат, Аля, в твоём возрасте столько жрать нельзя». «Ты напекла два противня пирогов и один умяла с чаем сама, я видел». Это все меня деморализовало, Баранов! Год за годом. Слово за словом. А ты даже не замечал.

Он стоял в дверном проеме, и лицо его менялось – медленно, словно кадры неспешной съемки. Сначала недоумение, потом что-то похожее на стыд, и наконец – паника.

- Я не буду тебя больше подкалывать! – выпалил он и шагнул ко мне. - Слышишь? Вообще никогда. Только перестань говорить то, что ты говоришь. Этот развод... это же бред! Мы столько лет вместе, Аля. Столько лет! И я планирую жить с тобой до самой смерти!

Ну и заявления... Прямо таки пропитанные дешёвизной

из какого-нибудь малобюджетного сериала. Нет уж... Я на них вестись не собиралась, с удивлением понимая, что именно предложение Иды попробовать себя в модельном бизнесе, мне и придает сил.

Я чуть склонила голову набок и сделала вид, что задумалась. Выдержала паузу - ровно настолько, чтобы в его глазах мелькнула надежда. А потом улыбнулась - мягко, почти сочувственно.

- Нет, Вадик. У меня теперь легкая и свободная жизнь. Знаешь, это удивительное чувство - когда наконец решаешь сбросить то, что давило годами? А кстати, - я посмотрела ему прямо в глаза, - что ты там хотел сказать мне первым? Ты же начал: «Аля, нам надо серьезно поговорить». О чем?

Он замер. Я видела, как забегали его глаза - быстрые, испуганные, ищущие хоть какую-то опору. Он явно придумывал на ходу. Поджал губы, сунул руки в карманы, переступил с ноги на ногу. И наконец выдавил:

- Я хотел сказать... что мы давно вместе никуда не ездили. Самое время просто сесть в машину и поехать куда-нибудь. Вдвоем. Как раньше.

Я смотрела на него и думала о том, что за двадцать три года он так и не научился врать. Лгал муж отвратительно - это всегда было видно. И сейчас я могла лицезреть его насквозь.

Вот его мать, которая накануне велела ему бросить меня. Вот его друг, который ржал над шутками про «раздавит». Вот его молчание там, в саду, пока они перемалывали мою

жизнь в фарш. И вот он - стоит передо мной и пытается сделать вид, что ничего не случилось.

Это же мой супруг, как на ладони. И если бы я не услышала тот разговор в саду, так или иначе повод разойтись бы у нас нашелся, я была уверена.

- Нет, Баранов, - сказала ему жестко. - Я все решила. И не надо придумывать на ходу то, чего нет. Никаких поездок и прочей ерунды. Мы начинаем готовиться к разводу. И это не обсуждается.

Он стоял и испепелял меня взглядом. Я понимала прекрасно, что именно его уничтожает - гордость, по которой я потопталась. Мой первый шаг, когда именно Баранов и оказался за бортом. А еще тот факт, что он все же теряет привычную и хорошую жизнь.

Ведь одно дело поддакивать матери и Вене, но знать, что так или иначе он будет и дальше вкусно есть и сладко спать рядом с бегемотом-Алевтиной. И совсем другое - получить осознание, что теперь жизнь не будет прежней.

- Да пошла ты к черту, дура! - взревел, словно раненое животное Вадим.

И вылетел пулей из спальни, грохнув напоследок дверью так, что задрожали стекла.

- Ну наконец ты мне все расскажешь!

Ида всплеснула руками и тут же замерла, взглядевшись в мое лицо. Она всегда так делала - считывала мое состоя-

ние раньше, чем я сама успевала что-то сказать. Сегодня мы встретились, потому что Ида уже по телефонным разговорам поняла - в моей жизни стряслась самая настоящая катастрофа. Но я пока ей деталей не говорила.

- Аля, что случилось? Я уже места себе не нахожу от тревоги.

Мы снова сидели в том же кафе, и за окном снова был адский зной. Только сейчас все было иначе. Я уже несла на себе груз того, что слышала от мужа и свекрови, только он меня не сломал, а сделал сильнее.

- Я решилась, - сказала подруге просто. - Насчет модельного бизнеса. Твои ребята еще не передумали?

Ида просияла, но тут же нахмурилась - улыбка и тревога в одном флаконе.

- Не передумали. Но я же знаю - что-то стряслось. Рассказывай!

И я рассказала все от начала и до конца. Это было нужно прежде всего мне самой, чтобы окончательно расставить все по полочкам в своей голове.

Ида слушала молча, и это порядком удивляло - обычно она комментировала по ходу, ну или хотя бы ахала и вставляла емкие междометия к месту. А тут - сидела и смотрела на меня, и в глазах у нее закипала такая ярость, что я почти физически чувствовала этот жар.

- Сволочи, - сказала она наконец, и голос у нее был тихий и звонкий, как натянутая струна. - Какие же сволочи!

Вадим-то ладно - он всегда был маменькиным сынком, это я еще на вашей свадьбе поняла. Но Веня... этот лысый хоре... И Тамара эта, прости господи, Александровна... Но самое главное - как ты после этого?

Она выдала эту тираду и впилась в мое лицо цепким взглядом.

Я усмехнулась и ответила уверенно:

- Знаешь, Ид, я когда там стояла, за кустами, мне казалось - сейчас сердце остановится. А потом я поняла: оно будет биться. Просто теперь - для меня и только для меня! А не для того, что я ошибочно называла семьей.

Ида протянула руку и накрыла мою ладонь своей.

- Слушай, - сказала она. - Я договорюсь о встрече завтра же. Нет! Сегодня же. Ты им понравишься, я знаю. И поеду с тобой, если хочешь. Буду рядом и все у тебя будет отлично.

Я улыбнулась - теперь почти без горечи и кивнула. Говорить «спасибо» было совершенно необязательно - Ида прекрасно понимала, что я ей очень благодарна.

Мы просидели в кафе еще час, а может, и больше. Ида строила планы, рисовала на салфетке какую-то милую ерунду, видимо, таким образом скидывая напряжение. Рассказывала про гонорары и про то, какие бренды сейчас ищут моделей плюс-сайз. Я слушала ее вполуха, а сама думала о том, что у меня точно все будет отлично. Даже если с этой работой ничего не выйдет.

Еще вчера я была женой, которую муж предлагал дру-

гу «на разок». А сегодня у меня в голове все выстроилось в нужном направлении. И я собиралась этого направления придерживаться.

Домой я возвращалась почти в приподнятом настроении. Почти - потому что где-то под сердцем все равно саднило. Не по Вадиму, но по тем годам, которые я потратила на человека, не стоившего и ломаного гроша.

Я вышла из машины и сразу почувствовала - что-то не так. В доме горел свет во всех окнах, хотя еще только начинало смеркаться. На веранде кто-то громко смеялся, и смех этот был женским. Чужим. Не Тамары Александровны - та смеялась иначе, сухо и отрывисто.

Я вошла в дом и замерла на пороге.

В гостиной, на диване, сидела женщина. Молодая, лет тридцати пяти, не больше. Ухоженная, яркая, в обтягивающем платье, которое подчеркивало все, что можно было подчеркнуть. Она держала в руке бокал с вином и улыбалась - широко, уверенно, как улыбаются хозяйки.

А рядом с ней сидел Вадим. Он был немного пьян - я видела это по тому, как он развалился на диване и как не сразу сфокусировал на мне взгляд.

- О, - протянул он. - А вот и Алевтина! Легка на помине.

Женщина перевела взгляд на меня и улыбнулась еще шире. В этой улыбке не было ни капли смущения.

- Аля, познакомься, - Вадим с трудом поднялся и сделал широкий жест рукой. - Это... э-э... Лика. Да, Лика. Мы с ней

познакомились сегодня. И я подумал - раз ты решила уйти, раз мы разводимся, то я имею полное право строить новые отношения. Вот. Знакомьтесь!

Он рухнул обратно на диван, явно довольный собой. Лирика хихикнула и сделала глоток вина.

- Очень приятно, - произнесла она тоном, в котором не было ни капли приятности. - Вадим мне столько о вас рассказывал. В основном - что вы женщина понимающая и скандалов не устраиваете.

Я открыла рот, чтобы ответить, но тут в гостиную впила Тамара Александровна. Вид у нее был торжествующий - такой, какой бывает у человека, который долго ждал своего часа и наконец он пробил. Она остановилась в дверях, ведущих в сад, и посмотрела на меня сверху вниз - хотя мы были почти одного роста.

- Алевтина, - произнесла она своим коронным ленивым тоном. - Раз уж ты решила, что больше не хочешь быть частью нашей семьи, я вынуждена тебе кое-что напомнить. Этот дом Вадим снимал для семьи. Для своей семьи! А ты к ней теперь не относишься. Так что, думаю, тебе лучше подыскать другое жилье. Ну, или...

Она сделала паузу и оглядела меня с головы до ног - тем самым взглядом, который я ловила на себе годами.

- Или можешь пока остаться в качестве прислуги. Все равно готовишь ты неплохо, и дом убирать умеешь. Правда, Лирика? Тебе же нужна помощница по хозяйству? Нечего пачкать

руки, когда у нас есть Аля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.